

И. В. Кисличенко
ДЕТИ ВОЕННОЙ КАМЧАТКИ

В статье рассказывается о некоторых трудовых и военных подвигах детей-камчатцев в ходе Петропавловской обороны 1854 г. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Петропавловская оборона 1854 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг., дети-герои, трудовой фронт, огненные рейсы, юнги.

I. V. Kislichenko
CHILDREN OF THE WARTIME KAMCHATKA

The article tells about some labor and military feats of Kamchatka children during the defence of Petropavlovsk in 1854 and the Great Patriotic War 1941–1945.

Keywords: the defence of Petropavlovsk in 1854, the Great Patriotic War 1941–1945, children-heroes, labor front, fiery sea voyages, sea cadets.

В истории русского народа есть много славных страниц о героической борьбе за целостность русской земли, за национальную независимость. В этой борьбе проявились лучшие качества русского народа: безаветная преданность своей родине, храбрость и мужество в боях с врагами родной земли и священная ненависть к иноземным поработителям. Многие из важнейших эпизодов этой борьбы широко освещены в нашей военно-исторической литературе, а другие вовсе не нашли никакого отражения. Незаслуженно забыты и имена многих участников этих событий. Накануне празднования 80-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне мне хотелось бы в данной публикации хотя бы частично исправить эту несправедливость и рассказать о нескольких героических эпизодах из детских судеб в истории военной Камчатки.

Примеры детского подвига непосредственно касаются обороны Петропавловска от англо-французской эскадры в 1854 г. Сегодня мало кому известен тот факт, что в составе военного гарнизона Петропавловского порта наравне со взрослыми сражались и дети. О подвиге одного из них впервые рассказал широкой общественности в своих очерках исследователь, а в последующем – начальник Петропавловского уезда, Антон Петрович Сильницкий, найдя соответствующие документы во Владивостокском портовом архиве: «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Василий Степанович Завойко был вынужден употреблять на должности кокорициков кантонистов с десятилетнего возраста». В России с 1805 г. кантонист – это название (или звание) малолетних и несовершеннолетних сыновей

солдат, которые числились за военным ведомством с момента рождения, и в силу своего происхождения обязанных нести военную службу.

Предшественниками кантонистов были солдатские дети, зачислявшиеся в гарнизонные школы. В 1798 г. эти школы переименованы в военно-сиротские отделения основанного императором Павлом I Императорского военно-сиротского дома, с 1805 г. – в кантонистские школы, воспитанников которых (свыше 16 тысяч человек) стали называть кантонистами. С 1824 г. кантонисты приписаны к ведомству военных поселений, и в кантонисты стали зачислять детей военных поселенцев. Кантонисты, которые не учились в школах, жили и воспитывались у родителей или родственников, а по достижении 18 лет зачислялись в солдаты. В 1858 г. упразднены.

В обороне Петропавловска в 1854 г. *«из числа этих кантонистов один (Киселёв Иван. – Авт.) был убит, а другому, по имени Матвей Хромовский, одну руку оторвало, а в другую ранило. Кантонист Хромовский с удивительной твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжёлой операции он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорицки выполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали пускать кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя, и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя ка-*

кое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним ещё ребёнком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитание своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи» [9].

Среди документов, которые стали известны, есть решение от 13 апреля 1855 г., которое гласит: «во исполнение Высочайшей Государя Императора воли о назначении "пенсии из инвалидного капитала" в размере 22 рубля 86 копеек "кантонисту Хромовскому, как подлежащему ко 2 классу раненых"» [там же]. Дальнейшая судьба ветерана, к сожалению, неизвестна.

Перенесёмся ещё почти на столетие вперёд. В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Весомым вкладом камчатцев в усиление мощи Красной Армии явилось их участие в создании Фонда обороны страны.

Дети стремились принимать участие во всех сферах деятельности. Так, ещё семиклассником стал писать в газету «Камчатская правда» Яша Герасимов, а в годы войны его взяли в аппарат редакции. Он писал статьи, был членом литературного объединения, сочинял стихи [4].

О том, что 22 июня началась война, 13-летняя ученица петропавловской школы им. Горького Ангелина Семченко (Ватлина) узнала по крикам соседских детей на улице. Сразу поняла, что пришла большая беда. Старенькое здание школы, которое размещалось на месте современного здания Театра драмы и комедии, собрало всех выпускников 1941 г., и после непродолжительного выступления директора весь десятый класс решил с утра идти в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Через несколько дней провожали первых отъезжающих всей школой. С завистью смотрели на них с причала те, кому ещё не исполнилось 18 лет. Потом уже станет известно, что из 32 выпускников вернутся живыми только 12 [5].

В чрезвычайно трудной военной обстановке, когда в тылу не оставалось трудоспособных мужчин, принимались решения о применении детского труда. Летом и осенью ребят увозили на работу в совхозы. Они трудились на полях на прополке и уборке урожая, на сенокосе, на кормозаготовках. Спали в развалившихся сараях на соломе, много и тяжело работали, но оптимизма не теряли – по вечерам сидели возле костра, пели песни, подбадривали тех, кто тосковал по родителям. Из совхозов, где ребята работали, в школу привозили продукты [4]. Ангелина Петровна вспоминала, как однажды

после трудовой недели детей не смогли увезти домой. Решили добираться до города пешком – 56 км! После такого похода многие заболели. Ангелина сильно поранила ногу, и рана сразу начала воспаляться. Возможные страшные последствия только чудом удалось предотвратить – раздобыли стрептоцид и приостановили воспаление. Ногу удалось спасти [5].

Вспоминала Ангелина Петровна и ночные очереди в гастроном на ул. Ленинской, где без карточек иногда отпускалась подмоченная провизия, которая доставлялась в город на судах, но из-за попадания в шторм быстро портилась. Дети стояли в очереди ночи напролёт, заменяя в них работающих родителей. На ладошке у каждого был написан химическим карандашом номер [там же].

Ангелина Петровна закончила школу № 4 в 1946 г. Уже твёрдо знала, что будет учителем. Потом почти всю жизнь училась: курсы, институт, снова курсы. Много городов было на её педагогическом пути: Ленинград, Хабаровск, районы Камчатки и Приморского края, Чукотка. Запомнилась школа в с. Крахча, где Ангелина Петровна вместе с мужем вели все предметы в двух классных комнатах, где сидели ученики разного возраста. Карьеру учителя Ангелина Петровна Ватлина продолжила в своей родной школе № 4 – преподавала английский язык до ухода на заслуженный отдых в 1978 г. [там же].

А вот перед нами воспоминания бывшей пионерки военной поры Нины Кирилловны Москалёвой: «...работали не покладая рук на полях совхоза от зари до зари». Собирали шиповник, ягоды и грибы, заготавливали орех-славец, во время путины обрабатывали и солили рыбу, выполняя и перевыполняя установленные нормы выработки.

Пронченко Валентине Алексеевне из Соболевского района в начале войны было всего 6 лет. Но она, как и многие дети, работала в колхозе: ухаживала за скотиной, пасла коров, варила в больших котлах турнепс для кормления животных, солила рыбу, ходила в лес за ягодами. В те годы дети не по возрасту рано выросли [4; 6].

Из воспоминаний Картакай Ленины Васильевны, бывшей ученицы средней школы № 4 г. Петропавловска-Камчатского: «Летом нас отправили работать на рыбный промысел, на мыс "Зайчик", на противоположной стороне Авачинской бухты. Мы заготавливали рыбу для фронта. Работали по 12 часов с перерывами на еду. Когда темнело, на причале подвешивали

керосиновые фонари. Работали до глубокой осени, в ледяной воде мыли, разделявали рыбу, потом солили её. Следующим летом опять работали на рыбном промысле в бухте Шлюпочная (у самого входа в Авачинскую бухту). Потом нас перевели работать на рыбалку в село Начики. После нас послали на уборку картофеля и овощей в военный совхоз в окрестностях Петропавловска. Копали полузамерзшую землю голыми руками. Руки опухали, но мы работали. Я там была бригадиром полеводческой бригады. В моей бригаде были одни семиклассники. Учебный год в 1942 году начался в ноябре» [3].

Уроженцу Усть-Большерецка Евгению Цегельнюку 20 июня 1941 г. исполнилось 12 лет, а через два дня началась война. Весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз чёрные тарелки репродукторов донесли до Камчатки вечером 22 июня. Глядя в потерянные от страха глаза матери, прижимающей к себе младших братиков и сестричек, Женька твердо решил, что в шестой класс не пойдёт, а станет, как отец – зимой ходить на охоту, а летом трудиться в бригаде на речке. *«Эх, далеко Камчатка от фронта! Ни пешиком не добежишь, ни поездом не доедешь!»* – сокрушались деревенские пацаны, которые уже с первых дней войны мечтали о передовой. Не попал на войну и Женькин отец. *«Нет больше мирных профессий»*, – повторяли в военкоматах тем, кто стремился на поля сражений, но был крайне нужен здесь, в тылу. И отправлялся на консервные заводы и невода. Иван Кириллович Цегельнюк получил бронь, как профессиональный охотник и бригадир ставного невода [10].

Летом 1941 г. к отцовской бригаде присоединился и сын. На митинге 23 июня рабочие Микояновского рыбокомбината – крупнейшего в Усть-Большерецком районе, куда сдавали лосось бригады, взяли обязательство к 10 августа 1941 г. добыть и переработать 120 тысяч кг рыбы, выпустить 73 тысячи ящиков консервов. На рыбообработке трудилась и 13-летняя сестра Евгения – Зинаида, позже присоединилась к старшим едва подросшая Татьяна. Спрашивали с подростков не меньше, чем со взрослых. Уже в августе рыбаки-колхозники Камчатки досрочно выполнили годовой план по добыче и переработке рыбы. С этим событием камчатцев поздравил заместитель народного комиссара рыбной промышленности СССР Н. Скорняков [там же].

Осенью, сразу после окончания путины, Иван Кириллович с сыном стали готовиться

к охоте. Успеть добраться до угодий в районе вулкана Опапа нужно было до того момента, как замёрзнет местная речка Амчагача. Идти предстояло около двух недель на нескольких лодках – с палаткой, капканами, ружьями, лыжами, провиантом и собаками. Последние бежали вслед за лодками по берегу, то пропадая в лесу, то снова появляясь. Нарты охотники всегда припрятывали на месте.

Зима 1942 г. выдалась холодной и пуржистой. Три месяца отец с сыном жили в палатке, промерзая порой на морозе до костей. Охота на самого ценного зверька – соболя, была особенно сложной и даже в войну строго лицензировалась. В один сезон полагалось добыть десять, в другой пятнадцать шкур. Поймать лисицу-огнёвку, чей мех тоже высоко ценился и шёл на экспорт, было попроще. Охотились на выдр, на росомах. Весной возвращались домой с мешком шкур, сдавая их государству. И несмотря на то, что детвора была буквально раздета, малыши втроём по очереди ходили гулять в одном пальтишке и валенках, даже мысли не возникало оставить себе хоть одну шкурку.

По возвращении в посёлок времени на отдых не оставалось. Пока не сошёл снег, спешили на лесозаготовку, чтобы успеть обеспечить дровами рыбацкие бригады на период путины. На косу, где выставались ставные невода, дрова везли собачьими упряжками зачастую по последнему снегу.

Жизнь Жениной семьи, как, собственно, и у всех в период военного времени, подчинялась особому режиму. Несмотря на восьмерых детей, младшей из которых не исполнилось и годика, семья обязана была обеспечить поставки молока и яиц. И каждое утро женщины несли ведра с молоком в поселковую столовую, где организовали пункт приёма продукции. Никто не роптал – все понимали, что это пусть небольшой, но вклад в будущую Победу. Понимал это и Евгений, который в одночасье, как и многие его ровесники, стал взрослым. Всю войну он трудился на путине, отец работал на лесозаготовках. Вместе со всеми он вслушивался в сводки Советского информбюро и ликовал, когда сообщалось, что наши войска освободили очередную город. О Победе Камчатка узнала 10 мая.

16-летний Евгений Цегельнюк, несмотря на уговоры родных, категорически отказался продолжать образование. В ноябре 1945 г. умерла мама. Малышей, младшей из которых исполнился годик, нужно было поднимать. Многие сельчане просили отдать младших деток им на

воспитание. Иван Кириллович сначала вежливо отказывал, а когда терпение лопнуло, вышел на крыльцо с ружьём... Вместе со старшим сыном стал поднимать детей.

Евгений устроился на работу, помогал отцу. Самым большим разочарованием стало для юноши то, что и в 18, и даже в 19 лет военкомат отказывался забирать его в армию по причине малого веса и низкого роста. На службу в Порт-Артур Евгений отправился только в 20 лет. В вернувшемся через три года красивом подтянутом парне мало кто узнал того самого Женьку.

Евгений Иванович Цегельнюк всю жизнь прожил в родительском доме, где вырос он сам, где родились его дети. Похоронили его в 2011 г. За катафалком до самого кладбища шёл весь посёлок... [10].

В октябре 1942 г. на судах Наркомморфлота был введен институт воспитанников – юнг. Это была суровая необходимость времени. Мальчишкам предстояло заменить на море отцов, ушедших на фронт [7].

Введение «института юнг» облегчало и положение многих семей, главы которых сражались с врагом на фронте или уже сложили головы в боях за Родину: их дети поступали на полное государственное обеспечение, заключавшееся в предоставлении питания, обмундирования, оплаты труда, надзора и воспитания. К тому же юноши приобретали специальность, которая могла прокормить их и в дальнейшем [8].

Тысячи мальчишек с 11-летнего возраста трудились на судах матросами, кочегарами, машинистами, радистами наравне со взрослыми моряками. Возвращаясь из очередного рейса, они с гордостью рассказывали о своей нелегкой, взрослой работе, «заражая» морем товарищей, соседских ребят, которые под их влиянием один за другим потянулись в пароходство. Взяли учеником экипажа парохода «Новгород» и Виктора Шобухова. Вот что он вспоминал: *«Перво-наперво мы досконально изучили "Корабельный устав ВМФ". Обстановка на море требовала неукоснительного соблюдения строгой воинской дисциплины. Никто не делал скидки на наш возраст, но относились все же к мальчишкам бывалые моряки особенно по-доброму, я бы даже сказал, с нежностью. Бывало, стояли мы и за штурвалом. Тогда приходилось ставить под ноги подставку, без неё мы не могли увидеть на компасе риск проложенного курса.*

Пароходы наши были вооружены скорострельными крупнокалиберными пулеметами и орудиями. Но военных моряков не хватало. И на

случай боя с врагом обучали военному искусству и нас, мальчишек. На "Новгороде" занимался с нами Петя Лебедев. Ему было тогда двадцать.

Ненасытная, кровавая смерть встречала наши пароходы на морских дорогах. Те, кому удалось выжить, создали актив юнг дальневосточных моряков военного времени во Владивостоке. Мы разыскиваем родителей и знакомых мальчишек, погибших во время тех суровых "огненных рейсов". Пути поисков привели нас в Петропавловск. Бывший старший механик парохода "Павлин Виноградов" Константин Гаврилович Борисенко вспоминает, что в 1944 году зимой они по дороге в Америку зашли в Петропавловск. И там к ним в экипаж пришёл мальчишка лет пятнадцати. Невысокий. Широкоплечий. Спиридон Иванов. Экипаж сразу полюбил его. Спиридон был немногословен, трудолюбив, стойко выдерживал все трудности» [7].

Весной 1944 г. пароход «Павлин Виноградов» под командованием капитана Фомы Филипповича Дроздова вышел из канадского Ванкувера во Владивосток с полным грузом на борту. 22 апреля в 17 часов на подходе к Алеутским островам пароход подвергся вражескому нападению и был торпедирован одновременно двумя торпедами (как сравнительно недавно установил историк флота К. Б. Стрельбицкий, причиной гибели советского судна стала торпедная атака японской подводной лодки I-18) [2].

Взрывной волной вскрыло люки кормовых отсеков и твиндеков (междупалубного пространства внутри корпуса. – Авт.), через которые была выброшена часть груза. Бочки с ацетоном при детонации взорвались, кормовую часть судна охватило пламя. Пароход затонул за три минуты, 13 моряков из команды численностью 41 человек погибли вместе с судном, в том числе капитан. Спасшиеся разместились в шлюпке и на плоту. Старпом М. Н. Малакионов то и дело терял сознание. За первые два дня умерло ещё 8 человек. Командование шлюпкой взял на себя Константин Борисенко. Бывалый моряк, энергичный, весёлый, он подбадривал товарищей, вселял в них надежду на спасение, заставлял обессиленных людей шевелиться, растирать коченеющие руки, ноги [2; 7]. Нелегко было грести вёслами. Спиридону поручили вычерпывать из шлюпки воду. И он делал это очень старательно. Но до берега было далеко. Налетевший шторм отнял последние силы. Один за другим умирали моряки от ран, холода, голода, перенапряжения. На шестые сутки показалась земля. В шлюпке к тому времени оставались девять

вконец обессиленных, недвижных уже людей. Вдруг раздался гудок парохода. Константин Гаврилович в первую минуту решил: «Галлюцинация перед смертью!». Но оказалось, от берегов Америки возвращался пароход «Ола», шедший из Сан-Франциско во Владивосток. Он-то и спас оставшихся в живых девять моряков. Но не было среди них юнги из Петропавловска Спиридона Иванова. Он умер в шлюпке, до последней минуты своей жизни не бросая выполнять порученное ему задание. Не справился совсем ещё детский организм с выпавшими на его долю испытаниями [7].

В 1985 г., в канун 40-летия Победы, из статьи «Огненные рейсы», опубликованной в газете «Камчатская правда», камчатцы узнали имена мальчишек, служивших на кораблях в годы войны. Это сотрудник вневедомственной охраны в Петропавловске Юрий Васильевич Белокопытов и заведующий урологическим отделением Камчатской областной больницы Сергей Тимофеевич Чмель. Вот что рассказал генерал-лейтенант Иван Егорович Горчаков журналисту Леониду Болдыреву: *«Мы шли на "Плеханове". В полдень налетели японские самолёты. Начали бомбить, обстреливать. В дело вступили наши зенитчики. Сбили сразу два самолёта. Стоим на палубе, наблюдаем, как они горят, падая в море. Обернулся: рядом со мной мальчишка, щупленький, весь в угольной пыли, глаза сверкают. "Вот как мы их!.." Спрашиваю: "Ты как попал сюда"? А он мне: "Я, товарищ капитан-лейтенант, котельный машинист Сергей Чмель..."»*

На следующий день читаю свежий номер боевого листка: *"Сергей Чмель целые сутки не покидал котельного отделения, заменив на посту*

больного товарища". Вот тебе и мальчишка!». Впоследствии заметка о подвиге котельного машиниста Сергея Чмеля вышла в газете «Красная звезда», журналист которой стал свидетелем в Петропавловске встречи героического «Плеханова» и был поражён стойкостью и мужеством юнги [7; 8].

После семи классов Сережа Чмель пошёл в ремесленное училище, работал монтером, а затем кочегарил на теплоходах «Сокол» и «Плеханов». Принимал участие в боевых действиях при освобождении Курильских островов в срок пятом. В послевоенные годы Сергей Чмель, окончив Хабаровский мединститут, работал военным врачом в погранвойсках, а потом долгие годы до своей кончины в 1989 г. возглавлял урологическое отделение областной больницы. За тридцать лет работы вывел большой «десант» людей из-под смертельной опасности на берег жизни. После операции присаживался возле кровати прооперированного и, озорно подмигнув ему, совсем как на палубе когда-то, спрашивал: «Ну, как мы их?!» [7].

Беседуя с камчатским журналистом Л. Болдыревым, Сергей Тимофеевич сказал однажды: *«Все операции трудные. Поверьте... Оперировать ведь не только самого больного. Вторгаешься в материнские чувства, в души его родственников, друзей. Любая операция, как первый бой»* [1].

Сотни юнг «огненных рейсов» связали свою жизнь после войны с морским флотом. Девчонки и мальчишки военной Камчатки достойно несли свои производственные вахты в мирное время. Но никогда они уже не забудут того сурового времени, когда в их детство вторглась война... А наш долг – не забыть их имена.

1. Болдырев Л. Долгих лет Вам, доктор! (Вырезка из газеты «Камчатская правда». Дата публикации не установлена).
2. Вспомним всех поимённо: 75 лет назад погибли моряки парохода «Павлин Виноградов» // Тихоокеанская Россия : [сайт]. Дата публикации: 18.04.2019. URL: <https://to-ros.info/?p=75663/> (дата обращения: 30.03.2025).
3. Камчатская область в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. 1939 – 1945 : сб. док. Гос. арх. Камч. края / сост.: В. А. Ильина, Е. П. Абрамова, И. В. Витер, А. С. Сесицкая. Петропавловск-Камчатский, 2010. 492 с.
4. Лысякова Л. Н. Всё для фронта! Всё для Победы! : по материалам газ. «Камчатская правда» // Краеведческие записки / Камч. обл. краевед. музей. – Петропавловск-Камчатский, 1971. Вып. 3.
5. Ополённые войной : биограф. очерки. Петропавловск-Камчатский : [б. и.], печ. 2011 (Тип. «Оперативная полиграфия»). 52 с.
6. Пионеры Камчатки в годы Великой Отечественной войны // Централизованная библиотечная система. Виллючинск : [официальный сайт]. URL: http://villib.ru/publ/krved/istor/pionery_kamchatki_v_gody_velikoj_otechestvennoj_vojny/18-1-0-50 (дата обращения: 25.03.2025).
7. «Плывать по морю необходимо...» : сб. док. очерков о наиболее важ. этапах истории Камчатки, отмечавшей в 1997 г. 300-летие в составе России, об освоении природ. богатств сев. части Тихого океана / сост., гл. ред. М. Я. Жилин. Петропавловск-Камчатский : [б. и.], печ. 1998 (ООО «СЭТО-СТ»). 624 с.
8. Руднев Г. А. Огненные рейсы. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1975.
9. Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлечённые из дел Владивостокского портового архива // Вопросы истории Камчатки / ред.-сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский, 2009. Вып. 4. С. 32–82.
10. Личный архив семьи Шитовой Л. В.